

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

А.Н. Крюков, Т.Г. Попова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

В статье авторами анализируются причины и следствия фактического исключения из проблемного поля современной теории перевода проблемы понимания, формулируются методологические основания, на которых становится возможной концептуализация термина «понимание», предлагаются конкретные направления научных изысканий, решающих проблему понимания в переводе. В работе делается вывод о необходимости включения понимания в проблемное поле теории перевода. Авторы задаются вопросом: что может дать теории перевода включение в ее предметное пространство проблемы понимания и приводят существенные «выгоды», которые сулит теоретическая ассимиляция проблемы понимания для переводоведения.

Ключевые слова: понимание, пропозиция, пресуппозиция, импликация, методологические проблемы, стратегия принятия переводческих решений.

Вряд ли найдется сегодня такой ученый-переводовед, который стал бы отрицать тот факт, что в переводе имеет место понимание как постижение переводчиком смысла сказанного (написанного) автором исходного текста. Однако среди проблем, которые сегодня обсуждаются теорией перевода – проблема переводимости/непереводимости, инвариант перевода, эквивалентность и адекватность перевода, единица перевода, семантические и стилистические проблемы перевода, прагматика перевода, способы перевода, переводческие трансформации и т.п. – мы, тем не менее, не находим проблемы понимания именно как проблемы теории перевода.

Объяснению парадоксальной ситуации, связанной с фактическим исключением проблемы понимания из предмета теории перевода, методологическим причинам и последствиям этого обстоятельства для теории перевода, попытке формулирования методологических оснований, на базе которых стала бы возможной концептуализация термина «понимание» и включение его в проблемное поле переводоведения, а также выдвигению и формулированию теоретических задач и направлений исследований, способствующих решению проблемы понимания в переводе, и посвящается данная статья.

Ответ на вопрос, почему проблема понимания оказалась за пределами предмета современной лингвистической теории перевода, требует обращения к ее исходным методологическим основаниям. Дело в том, что лингвистическая теория перевода, в том виде, в каком она развивается сегодня, возникла на основе сопоставительного анализа текстовых данных исходного и переводящего языков, как это было заложено еще А.В. Федоровым, одним из ее основоположников. Безусловно, возможность работать с чувственно воспринимаемыми эмпирическими данностями дала лингвистической теории перевода существенные преимущества в историческом споре с литературоведческой теорией перевода, построения которой, по крайней мере, в тот период (середина прошлого века), носили довольно абстрактный, общеэстетический характер. Выгодно отличаясь от последней, лингвистическая теория перевода направила переводоведческие изыскания в строго научное русло, формируемое объективными закономерностями контактирующих в переводе языков.

Однако, как сейчас начинает выясняться, плата за такого рода научную объективность оказалась довольно высокой: произошла деонтологизация самого объекта исследования. Перевод как реальный процесс продуцирования иноязычного текста оказался подмененным исследовательскими процедурами оперирования с коммуникативно равноценными единицами оригинала и текста перевода, способными замещать друг друга в процессе межъязыкового общения. То есть, то, что как раз и должно было бы изучаться теорией перевода, что должно быть искомым, а именно, как, каким образом создается текст, который впоследствии оказывается коммуникативно равноценным исходному и что задает такую коммуникативную равноценность, – здесь постулируется априори как данность, как исходная посылка. Иными словами, лингвистическая теория перевода исходит из презумпции эквивалентности текстов оригинала и перевода как эмпирического факта.

Естественно, в соответствии с такими методологическими установками, на которых строится традиционная теория перевода, проблема понимания не отрицается, а просто оказывается теоретически избыточной и вполне логично выносится за рамки предмета исследования. При этом априори признается, что переводчик для того, чтобы перевести текст, понял его, но каким образом он это сделал, как и насколько он его понял и что это дало ему для продуцирования текста перевода, позволяет с позиций лингвистической теории перевода рассматривать как факт «биографии» переводчика, иррелевантный для самой теории перевода. Отсюда и учебники перевода сообщают обучаемым лишь о том, что определенные выражения одного языка означают то же самое, что и определенные выражения другого языка, а почему и что же именно они выражают, обычно не проблематизируется.

Таким образом, в общем и целом можно констатировать, что проблема понимания (**что** сказать?) в теории перевода имеет тенденцию сводиться к проблеме выражения (**как** сказать?).

Подобный подход к переводу, несомненно, имеет право на существование. Более того, в рамках данного подхода построено много интересных моделей перевода, накоплен и систематизирован колоссальный фактический языковой материал в виде системы переводных соответствий на базе различных языков. Однако, как представляется, эпистемологический потенциал, заложенный в методологических основаниях лингвистической теории перевода, начинает все более исчерпывать себя. В частности, исключение проблемы понимания из предметного пространства теории перевода, оборачивается следующими методологическими ограничениями:

1. Возможность построения какой-либо частной или специальной теории перевода оказывается целиком и полностью детерминированной наличием массива кодифицированных переводных текстов.

2. Подмена «неудобного» по многим отношениям концепта «понимание» его возможными вербальными манифестациями оборачивается для теории перевода тем, что ей приходится довольствоваться регистрирующей и обобщающей функциями: то или иное языковое явление может стать объектом ее анализа и осмысления только тогда, когда по воле случая оно попало в сферу деятельности переводчика, а затем – в поле зрения исследователя. Но и этого мало. Чтобы такая теория перевода могла выполнять прескриптивную функцию, необходимо, чтобы данное языковое явление было **н о г о к р а т н о** зафиксировано в самых разнообразных параллельных текстах, что обрекает теорию перевода на сугубо эмпирический путь развития.

3. С помощью понятийного аппарата такой теории перевода не представляется возможным дать адекватное научное объяснение лингвистически несопоставимым (характеризующимся отсутствием семантико-структурного параллелизма) фактам перевода. Не имея познавательных средств анализа переводных текстов, не сопоставимых в лексико-семантическом и синтаксическом отношении с исходными текстами, лингвистическая теория перевода зачастую отвергает их как «вольные».

4. Теория перевода, не проблематизирующая понимание исходного текста переводчиком, игнорирует в его деятельности важнейшее звено – **с т р а т е г и ю** принятия переводческого решения, что закономерно привело к гипостазированию метода «проб и ошибок» в деятельности переводчика и представлению ее как «последовательного приближения к оптимальному решению и отклонению неадекватных вариантов» путем «постепенного преодоления буквализма» [б: 508]. Безусловно, метод «проб и ошибок» имеет место в деятельности переводчика, но лишь в известных рамках или границах, задаваемых стратегией деятельности.

Принимать же метод «проб и ошибок за саму стратегию принятия переводческого решения вряд ли можно считать продуктивным. Как представляется, на основании сделанных выше замечаний можно сделать вывод о необходимости включения понимания в проблемное поле теории перевода. Что же может дать теории перевода включение в ее предметное пространство проблемы понимания? Назовем лишь наиболее существенные «выгоды», которые сулит теоретическая ассимиляция проблемы понимания для переводоведения:

1. Теория перевода сможет, наконец, выйти за рамки сопоставительного метода исследования текстов оригинала и перевода и, тем самым, выполнять прогностическую функцию, как высшую функцию любой науки – **п р е д с к а з ы в а т ь** появление тех или иных переводов или текстуальных соответствий, а не просто пассивно регистрировать и систематизировать уже найденные (не всегда, кстати, удачные) варианты перевода или переводные соответствия. Ведь если всякий раз будет актуально ставиться и последовательно и скрупулезно разрешаться проблема того, **что именно** сказано или написано в тексте на том или ином языке, то тогда исследователю не придется ожидать, пока данный текст будет кем-то переведен и уже затем попадет к нему в руки: исследователь сможет анализировать оригинальные тексты на другом языке в поисках тождественных содержательных сущностей. В самом общем виде такой метод исследования можно назвать оригинально-текстологическим.

2. Концептуализация проблемы понимания сможет обеспечить теоретическую реабилитацию так называемого «вольного» перевода и стать надежным заслоном на пути волны необуквализма, свидетелями которой, судя по средствам массовой информации, мы становимся. Не имея соответствующего понятийного аппарата для анализа, описания и объяснения фактов перевода, характеризующихся отсутствием структурно-семантического параллелизма, лингвистическая теория перевода, скорее, предпочитает отвергать их как «вольные». «...Решающим основанием для характеристики данного перевода как вольного, – отмечает А.Д. Швейцер, – является возможность параллельного перевода, отвечающего требованию прагматической эквивалентности и в то же время значительно точнее передающего смысловое содержание оригинала» [7: 88]. На этом основании из двух переводов одной и той же фразы *Насилу рассвело* из романа Достоевского «Идиот» на английский язык – 1) *The break of the day brought a pale and sickly light* и 2) *It was a long time before it grew light* – первый квалифицируется ученым как вольный и ему инкриминируется искажение коммуникативного эффекта оригинала.

3. Постановка и решение проблемы понимания теорией перевода позволяет ей восполнить важнейшее звено в деятельности переводчика – стратегию принятия переводческих решений. Одним из явных

парадоксов современной теории перевода является детальное описание операционной структуры деятельности переводчика – генерализации, конкретизации, антонимизации, метафоризации, добавлений, опущений и т.д. и т.п., – вне связи с ее целесообразностью. А между тем, по выражению А.Н. Леонтьева, «выполнять операции, которые не осуществляют никакого целенаправленного действия субъекта, может, только “сумасшедшая”, вышедшая из подчинения человеку машина» [4: 85]. Подобного рода механицизм теории перевода, будучи трансформированным в соответствующие методические установки, приводит к тому, что начинающие переводчики, прекрасно обученные приемам и способам перевода, в реальной переводческой деятельности затрудняются применить нужный прием.

Сделанные выше замечания могут служить аргументами в пользу плодотворности и перспективности включения понимания в проблемное поле теории перевода. Однако необходимо иметь в виду, что признание понимания переводческой проблемой наряду с несомненными методологическими преимуществами ставит перед теорией перевода и ряд методологических проблем, которые необходимо учитывать при концептуализации термина «понимание».

Рассмотрим важнейшие из них.

1. Признание того, что в переводе имеет место понимание, означает прежде всего признание в а р и а т и в н о с т и понимания. Если что-то понимается, то непременно понимается как-то (правильно/неправильно, поверхностно/углубленно, односторонне/всесторонне и т.д. и т.п.). Таким образом, проблема понимания может реально обсуждаться и исследоваться в теории перевода только в том случае, если будет принята модель языковой коммуникации, предусматривающая соответствующую релятивизацию понимания.

2. Признание понимания переводческой проблемой означает легитимизацию включенности переводчика как полноправного участника в акт межъязыковой коммуникации и разрушение стереотипа об идеале переводчика как «прозрачном стекле», помещенном между разноязычными коммуникантами. Исследователи перевода уже давно пришли к выводу, что от концепции переводчика, от понимания им оригинального произведения зависит дальнейшая судьба романа, повести или рассказа. Так, сравнивая переводы «Зимних мотивов» киргизского писателя К. Каимова на русский язык в версии А. Залуцкого и В. Острогорской Ч.Т. Джолдошева выявила расхождения не на уровне отдельных переводческих решений, а в понимании переводчиками текста оригинала как целого. Автор исследования приходит к аргументированному выводу о том, что концепция характера главной героини Шакин в переводческой трактовке А.Залуцкого ближе к традиционному изображению киргизской женщины: Шакин скромна, стеснительна, легче прощает обиды, проще живет. В трактовке В.

Острогорской Шакин смела, решительна, остра на язык [2: 2]. Иногда то или иное понимание текста оригинала переводчиком может по-новому решить судьбу содержащейся в тексте смысловой информации. Так, задолго до трудов нынешних пушкинистов М. Цветаева уловила трагическую дьяволиаду безвременья в «Зимней дороге», а П. Тычина – в «Зимнем вечере». По традиции эти стихи рассматривались чуть ли не как идиллия, бесхитростная картина русской зимы. Поставленные переводчиками рядом с «Бесами», мнимые идиллии зазвучали неожиданно по-новому [5: 46].

3. Признание за переводчиком права на когнитивную активность влечет за собой еще одну методологическую проблему. Дело в том, что «всякое понимание есть вместе с тем непонимание» [Гумбольдт: 84]. В этой связи перед теорией перевода, включающей в свой предмет проблему понимания, возникает методологическая проблема ограничения переводческого рецептивного произвола, т.е. решение вопроса о том, какое понимание (или «веер» пониманий) переводчиком исходного текста является допустимым и правомерным.

Собственно говоря, решение рассматриваемой методологической проблемы требует аргументированного ответа на вопрос, какому пониманию текста принадлежит приоритет – пониманию текста самим автором или же реципиентом (в частном случае – переводчиком как одним из возможных реципиентов)? В ответе на этот вопрос мы целиком и полностью солидаризируемся с Т.М. Дридзе: «Объективным» можно считать понимание текста самим автором. Адекватность всякого другого понимания есть мера усвоения адресатом основного коммуникативного намерения автора текста» [3:125].

Таким образом, мы рассмотрели проблему понимания в предметном поле теории перевода.

Список литературы

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 437 с.
2. Жолдошева Ч.Т. Киргизская проза и проблемы художественного перевода. АКД, Фрунзе, 1982. 398 с.
3. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984. 413 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл; Издательский центр «Академия». 2004. 352 с.
5. Новикова М. Национальное и интернациональное в индивидуальном стиле переводчика. //Художественный перевод. Вопросы теории и практики. Ереван, 1982. 313 с.
6. Швейцер А.Д. Перевод: проблемы и перспективы. //АН СССР, Сер. Лит. и языка, № 6,1984. 214 с. (1)
7. Швейцер А.Д., Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988. 357 с. (2)

Об авторах:

КРЮКОВ Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (123001, Москва, 14 Большая Садовая), e-mail: kryukov58@mail.ru

ПОПОВА Татьяна Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (123001, Москва, 14 Большая Садовая), e-mail: tatyana_27@mail.ru

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING IN THE SUBJECT FIELD OF TRANSLATION THEORY

A.N. Kryukov, T.G. Popova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow

In the article, the authors analyze the causes and consequences of the actual exclusion of the problem of understanding from the problematic field of modern translation theory, formulate the methodological foundations on which the conceptualization of the term "understanding" becomes possible, and propose specific areas of scientific research that solve the problem of understanding in translation. The paper concludes that it is necessary to include understanding in the problematic field of translation theory. The authors ask the question: what can the inclusion of the problem of understanding in its subject space give to the theory of translation and cite the significant "benefits" that the theoretical assimilation of the problem of understanding promises for translation studies.

Keywords: *understanding, proposition, presupposition, implication, methodological problems, strategy of making translation decisions.*

About authors:

KRYUKOV Anatoly Nikolaevich – Dr. of Science, Professor of the English Department, the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (123001, Moscow, 14 Bolshaya Sadovaya Street), kryukov58@mail.ru

POPOVA Tatiana Georgijevna – Dr. of Science, Professor of the English Department, the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (123001, Moscow, 14 Bolshaya Sadovaya Street), e-mail: tatyana_27@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.09.24
Подписана в печать 07.10.24

© Крюков А.Н., Попова Т.Г., 2024